МАНИФЕСТ ТЕОЭСТЕТИКИ

Всем христианам! Всем небезразличным!

†

0. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ТЕЗИСЫ

0.1 Для начала следует сформулировать несколько тезисов, которые будут проясняться в последующем тексте.

т1 1. *Свобода, правда и добро — прекрасны; совокупность этих совершенств есть любовь.*

т2 2. *Красота привлекает и приносит радость, она желанна и приятна, она просветляет и возвышает, поэтому все люди по своей природе стремятся к прекрасному.*

т3 3. *Красота — дотеоретическое переживание: она открывается, когда мы встречаемся с ней, когда случается событие красоты, которое прежде разделения на субъективное и объективное.*

т4 4. *Как прекрасное следует отличать от возвышенного, так возвышенное нужно отличить от величественного. Когда к прекрасному примешива-*

ется восторг или страх, возникает возвышенное или величественное, которое одновременно нравится и вызывает трепет. Через страх может проникать грех, так что сама красота может казаться двойственной и способной испортить; но красота рождает любовь, а потому в ней нет страха, ибо опасна не она, а мы сами.

т5 5. *Как измерение способно влиять на измеряемое, так человек может привносить в восприятие свои пороки и проецировать их на воспринимаемое, т.е. на саму красоту; однако похоть очей не есть порок красоты, поэтому она непорочна, — входящее извне не может осквернить нас.*

т6 6. *Критерий прекрасного — чистота, благодаря которой красота, свобода, добро и правда сходятся воедино: чем ближе эти совершенства друг к другу, тем ярче сияет каждое из них, чем они разобщеннее, тем более тусклыми они становятся. Антагонизм между ними возникает лишь тогда, когда ошибочно думают, что сама красота может уводить от добра и правды, но уводит от них только грех. Поэтому плотская красота столь же чиста, как и духовная.*

т7 7. *Красота есть основание христианской эстетики и культуры, искусства и творчества, ибо она примиряет небесное и земное: воплощая духовное и одухотворяя плотское — неслитно и нераздельно, ибо дух и плоть есть единое целое: Христос — камень примирения.*

т8 8. *Красота, незамутненная грехом и страхом, очищает и освящает, ибо она есть явление божественной славы, самого присутствия Божия, поэтому красота священна. Стремясь к ней, человек движется к святости и возрастает в любви. Бог есть Любовь, которая явлена в образе Иисуса Христа: радость Рождества ведет к скорби Креста, но именно для того, чтобы исполниться торжеством Воскресения.*

т9 9. *Деэстетизация богословия есть причина секуляризации, ибо она лишает перспективы, парализуя церковное творчество и свободу, которые преображают мир. Мирянство и монашество есть две руки, посредством которых созидается новая культура. Мирянское не отменяет монашеское, поэтому необходимо, чтобы отныне и монашество отказалось от экклезиологической дискриминации мирянства.*

т10 10. *Задача христианства сегодня — создать новую культуру будущего, стать правдой жизни и добродетелью творчества, для чего монахи и миряне должны объединить свои таланты: мир и клир снова должны стать единым целым, иереи больше не должны быть крепостными у архиереев, ибо Христос отменил рабство и законничество: Церковь прием-*

лет только власть любви и благодать свободы, отвергая власть насилия и подчинения.

0.2 Этим сказано многое, и одновременно — не сказано почти ничего. Ибо говорить о красоте и Боге — занятие безнадежное. В них следует пребывать. Тем не менее нижеследующее призвано прояснить сказанное и вдохновить на невыразимое. Читатель заметит, как прояснение постепенно переходит в манифестацию, или даже в танец и гимн. Так бывает всегда, когда человек становится ближе к Богу.

0.3 Манифест — как бы прожектор, который может подсветить что-то жизненно важное, чтобы уловить «мысленного волка», но каким бы мощным он ни был, он не сможет осветить все ночное небо: один столп света ничего не изменит, но когда их становится много, нам уже нечего бояться.

1. УТРАТА ПЕРСПЕКТИВЫ

1.1 Христианство пришло в упадок. Многие страны, некогда бывшие христианскими, стали светскими. Мощная волна секуляризации накрыла весь мир, поэтому религия сегодня кажется рудиментом. Да и само христианство уже смирилось с этой ролью, хотя у него было полторы тысячи лет, чтобы реализовать свой потенциал. Церковь управляла традициями, бытом и жизнью людей, монастыри были феодальными центрами, которые выполняли важнейшие социальные, культурные и политические функции.

1.2 Но к чему это привело?

1.3 Судьба христианства в XX в., особенно в России, наглядно свидетельствует о том, что оно потерпело историческое поражение. Впервые в истории человечества появились страны, в которых религия находилась или находится под запретом и жестким контролем. Большевики убивали за веру во Христа. И хотя XXI в. стал более толерантным к религиозной вере, он стал и более безразличным, тем самым оставаясь скрыто враждебным.

1.4 Для светской культуры христианство превратилось в посмешище, синоним всего старого и отжившего. Его высмеивают не только в газетах и блогах, но даже в мультфильмах. Оно стало непонятным, излишним, невозможным. Да и как иначе, если оно являет собой прошлое? Оно все время пытается что-то возрождать, словно стало бесплодным. Оно не рождает новые формы, но лишь подстраивается под них, вследствие чего выглядит вторично и карикатурно. Научно-технический прогресс поставил огромное количество сложных вопросов, на которые христианство не может ответить, потому что пытается жить прошлым. Ибо «святые отцы всё сказали». Образ будущего, каким его рисует культура, сегодня таков, что в нем уже нет ме-

ста для христианства: для светских людей оно давно выглядит устаревшим, футуристические проекты его просто не замечают. Поэтому нет никаких гарантий, что у христианства вообще есть будущее. По крайней мере, у *такого* христианства.

1.5 Тем не менее мы не обязаны жить прошлым. Будущее открыто, его можно и нужно формировать. Мы стоим у водораздела, и от нас зависит, куда будет направлен поток современности. Когда-то ЦК КПСС пытался осуществить поворот сибирских рек, тогда как следовало поворачивать культуру. Теоэстетика есть поворот великих рек культуры.

1.6 Это тем более необходимо, ибо современное общество утратило ориентиры. Оно фрустрировано. Все становится плоским. Культура стала ширпотребом. Все продается. «Пластмассовый мир победил». «Никого не жалко». Экофашизм. Технофашизм. Просто фашизм. «Мы уже мертвы». «Мы — компост». Несвобода. Нелюбовь. Лишь «быстрый дофамин» еще имеет какую-то цену, поэтому кругом порнография, растление, пошлость, депрессия, деперсонализация, озлобленность, ненависть. Война. Убийства. «У каждого своя правда». Эпоха иронии и сарказма сменяется темным и липким ужасом, когда человек ощущает себя биомассой, которая лишилась своего Я. И живет соответствующе. И уже не смешно. И все напрасно, ибо заканчивается всегда одинаково. И за всем этим зияет мучительное ощущение пустоты и бессмысленности. But in the end, it doesn't even matter.

1.7 ИИ (т.е. Имитация Интеллекта) создает великую иллюзию. И если ничего не изменить, то настанет время, когда она разучит людей мыслить. Уже сейчас все становится кажимостью. Но эту силу еще можно направить в благое русло. В эпоху постправды человек превращается в безумца, поэтому разнообразные постгуманисты и трансгуманисты озлобились на человеческое. Они пытаются овладеть миром с помощью техники и цифры, хотят устроить тотальный концлагерь. И никуда от этого не спрятаться. И все это быстро вырождается в антигуманизм, который жаждет аннигиляции и готов предать мир ядерному пламени.

1.8 Пора вытаскивать себя из этого болота! Мы должны положить предел этому безумию! Нельзя оставлять судьбу мира в бесчеловечных руках! Речь не о том, чтобы поменять одни ценности на другие, словно сменить перчатки, а о том, чтобы за сменой исторических декораций разглядеть настоящую истину — подлинный исток не только любого ценностного полагания, но также сомнения, отчаяния и самого нигилизма.

1.9 Занимается мировой пожар.

Соль гасит огонь.

Христиане — соль мира.

2. ВЫБОР

2.1 Мы видим, что «весь мир лежит во зле» (1 Ин. 5:19). Увы, новостные ленты подтверждают это ежечасно, ежеминутно, ежесекундно, да и вся наша жизнь учит этой горькой правде. Но что это значит для нас?

2.2 Это значит, что наша задача — *противостоять* этому. Мы не имеем права мириться с ложью и злом. Нельзя превращаться в циников и нигилистов. В молитве Отцу Небесному мы просим избавить нас от зла (Мф. 6:13), но это не должно вести к пассивности, наоборот, мы должны активно содействовать этому, «ибо мы соработники у Бога» (1 Кор. 3:9). Что бы с нами ни происходило, души наши не должны очерстветь, не должны стать безразличными и безучастными. Нам не все равно! Мы хотим изменить мир к лучшему, повернуть поток современности, исправить имена и найти правду!

2.3 Каждый для себя решает, какой выбор он делает. И даже отказ делать выбор — тоже определенный выбор.

2.4 Мы видим ужасные преступления, насилие, гнусную ложь и злобу — они нам отвратительны, мы отрекаемся от них! Мы видим грех и растление — и не желаем соучаствовать в этом! Напротив, мы видим святость — и нас тянет к ней, мы стремимся прикоснуться хотя бы к краю ее одежд. Что нас влечет туда? Избирая добро, мы стремимся к тому, что для нас в каком-то отношении привлекательно. Опыт и совесть подсказывают, что святость прекрасна, в ней есть настоящие правда, доброта и свобода. Это знает всякий, кто видел святого или хотя бы замечал отблески святости в этом мире. Когда мы видим доброту и чистоту, что побуждает нас восхищаться ими? — То, что в этом есть правда, и она прекрасна! Чувство несомненной и предельной подлинности подсказывает сердцу, что доброта именно прекрасна, в ней есть свобода и правда, поэтому тот, кто делает добро — сам становится прекрасным и стоит в правде.

2.5 Мы хотим быть свободными, хотим стоять в правде!

2.6 Таково свойство прекрасного — делать привлекательным все, к чему оно прикоснется. Какова бы и где бы она ни была, красота влечет к себе. Это ее природа: красота рождает в нас любовь и священный трепет. Поэтому все, что лишено красоты, лишено и привлекательности, так что при полном ее отсутствии в нас остается лишь безразличие. Нам просто не интересно и скучно все, что лишено эстетического измерения. Представьте себе что-нибудь напрочь лишенное какой-либо привлекательности, и вы сразу почувствуете, как накатывает зевота и вас тянет куда подальше. Мы живем в эстетическом сознании (Э. Гуссерль), поэтому красота необходима для самой возможности восприятия.

2.7 Однако эстетическое включает в себя не только прекрасное, но и возвышенное, величественное, а также безобразное и уродливое, отвратительное и пугающее, трагическое и комическое. Эстетическая мозаика реальности очень причудлива, поэтому прекрасное бывает вытеснено грехом и страхом, болью и страданием, оно задыхается в пошлости и серости. Именно поэтому оно *не всегда явно* связано с добром и правдой. Хотя их единство сияет в святости, в обыденной жизни они могут стоять по разные стороны. Ибо есть сладкая ложь и горькая правда. Поэтому даже зло может казаться привлекательным — люди часто путаются в эстетических переживаниях! Их чувства не воспитаны, но их можно и нужно облагородить, чтобы они освободились.

2.8 Все осложняется тем, что добро было теоретически отделено от правды и *противопоставлено* прекрасному. Ницше даже обнаружил в нашей культуре «антагонизм "истинного", "прекрасного" и "доброго"». Поэтому добро стало вызывать если не отторжение, то какую-то неизбывную усталость, появилось ощущение его бесперспективности. В самом деле, зачем стремиться к добру, если оно ничем не привлекательно и вызывает лишь скуку? Совершенно непонятно, для чего *заставлять себя* быть моральным, если *хочется* другого!

2.9 Из плохой педагогики всегда вырастают запретные плоды.

2.10 Так соль перестает быть соленой (Мк. 9:50).

2.11 Всевозможные моралисты очень постарались, чтобы сделать добро занудным до отвратительности, чтобы свести его к *долженствованию*, к тоскливой обязаловке, вследствие чего и появился нигилизм, который является естественной реакцией на принуждение. Христиане превратились в пуритан и перестали понимать, сколь *задорным и легкомысленным* может быть добро, что оно должно быть желанной целью, а не вынужденным императивом. Христиане стали слишком пресными и забыли о том, что проповедь Евангелия начинается с шутливого и, как кажется, вовсе необязательного превращения воды в вино (Ин. 2:1–11). Не пора ли и нам посетить этот брачный пир, чтобы вернуть себе священную терпкость, крепость, хитринку, иронию? Вкус настоящего христианства может быть сладок и прекрасен, как вкус лучшего в мире вина!

2.12 О да, самым прожженным вакхантам еще есть чему у нас поучиться!

2.13 Но хотим ли мы пить вино Христово без всякой меры?

2.14 Между тем любой аморализм, не только политический, но и прямо сатанинский, основан на подмене свободы, добра и правды, на замещении их другими, уже извращенными формами, которые частично сохраняют следы прекрасного, чем и привлекают неразборчивые души: в них остается кажимость красоты. Чтобы добро можно было обесценить, его нужно сделать пошлым, скучным, непривлекательным, т.е. его нужно противопоставить прекрасному, свободному, легкому, игривому. Ибо отвергнуть можно лишь такое добро, которое уже искажено — превратилось в морализаторство, вы-

родилось в сухую и бесчеловечную букву закона, стало фарисейством и лицемерием, отяжелело бременами неудобоносимыми. Ибо невозможно возразить против настоящего добра, которое по своей сути прекрасно, а потому и желанно.

2.15 Отсюда вопрос: как вообще возможно, что христианство стало вызывать откровенную ненависть? Как такое может быть, если Бог есть любовь? «И кто сделает вам зло, если вы будете ревнителями доброго?» (1 Петр. 3:13). Никто и никогда не мог бы сказать, что *любовь* есть вздох угнетенной твари, сердце бессердечного мира, дух бездушных порядков (К. Маркс). Эти слова никогда не стали бы лозунгом для огромного количества людей, если бы в них не было доли *правды*, если бы христиане жили не по лжи. Но правда в том, что история христианства — это вовсе не история любви и добродетели, а путь человеческих, слишком человеческих ошибок, за которые приходит расплата. Христианство для многих людей стало принципом несправедливости именно потому, что оно стремилось больше угождать мамоне и кесарю, чем Богу и ближнему, оно стало частью репрессивных механизмов власти, оправдывая несправедливость во имя дружбы с мироправителями века сего.

2.16 Однако это противоречит Евангелию. Ибо тот, «кто говорит: “я люблю Бога”, а брата своего ненавидит, тот лжец: ибо не любящий брата своего, которого видит, как может любить Бога, Которого не видит? И мы имеем от Него такую заповедь, чтобы любящий Бога любил и брата своего» (1 Ин. 4:20–21). Поэтому следует говорить не только о «драме атеистического гуманизма», но и о драме дегуманизации христианства.

3. ДВА ОБРАЗА СВЯТОСТИ

3.1 Выдающийся церковный историк о. Николай Афанасьев показал, как живой дух раннего христианства был вытеснен мертвой буквой римского права. Постепенно благодать замещалась законом, так что христиане перестали доверять Духу Святому. Закон кажется надежнее благодати. Инквизитор сильнее Христа. Если в Ветхом завете священство принадлежало одному народу и в нем только левитам, то в Новом завете священство было открыто всей Церкви, в которой левитское становится лаическим, каждый мирянин — клириком, все христиане — царственным священством, ведь в раннем христианстве не было разделения мира и клира. Поэтому есть два образа святости: ветхий, или левитский, который характеризуется отделенностью, обособленностью (קדוש), и новый, или мирянский, который предполагает просветленность, преображенность (ἅγιος, ἱερός, sanctus,

sacer). Эти два образа присутствуют в Церкви, но они типологически различны.

3.2 Христос говорит ученикам: «Вы — свет мира» (Мф. 5:14), т.е. святые (Деян. 9:13, 26:10; Иуд. 1:3).

3.3 Мир должен был бы светиться христианами. Поскольку новая святость не отделена от мира, она в мире и к миру, она освящает мир, ибо «зажегши свечу, не ставят ее под сосудом, но на подсвечнике, и светит всем в доме. Так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного» (Мф. 5:15–16). Бог есть свет (1 Ин. 1:5) и все христиане, свет которых светит пред людьми, святы светом Христовым: «Я свет миру» (Ин. 8:12). Как говорит ап. Петр, «по примеру призвавшего вас Святого, и сами будьте святы во всех поступках. Ибо написано: “будьте святы, потому что Я свят”» (1 Петр. 1:15–16; Лев. 19:2). Значит, для нас нет ничего невозможного в святости. Ибо святая — святым!

3.4 Однако со временем происходит возвращение к ветхозаветному образу святости как *отделенности*, которая распространяется лишь на немногих, поэтому теперь не весь «народ святой» (1 Петр. 2:9), но есть жесткая иерархия, которая разделила и противопоставила мир и клир. Вместе с ветхозаветным образом святости было восстановлено и законничество, а с ним фарисейство и лицемерие. Так было положено основание тому процессу, который спустя века будет назван секуляризацией: «Миряне, как непосвященные, чужды святыне (ἀνίεροι) и не могут к ней приступать. Они не могут совершать священнического служения, так как не имеют посвящения. ⟨…⟩ В историческом процессе выяснилось, что не profanus делается sacer, а наоборот “сограждане святым и домашние Богу (συμπολῖται τῶν ἁγίων καὶ οἰκεῖοι τοῦ θεοῦ)” (Еф. 2:19) становятся profani» (Н. Афанасьев). Церковь стала обосабливаться, отторгая от себя все, что не вписывается в образ святости как отделенности. Поэтому христианство не столько освящает мир, сколько от него отворачивается, пряча свою свечу под спудом. Так появляется феномен обмирщения, которое изначально есть отмирщение, т.е. отделение от мирян и отторжение от мира. В эпоху модерна отвергнутая часть стала настолько большой, что просто перестала нуждаться в Церкви и поняла, что отныне может жить самостоятельно.

3.5 В христианском богословии и философии разделение мира и клира соответствует двойственности чувственного и сверхчувственного, плоти и духа. Это разделение также соответствует двум образам святости, из которых возобладал ветхозаветный, когда в III–IV вв. начался активный процесс *монашезации* христианства. Как следствие, именно монашество до сих пор считается «наиболее полным воплощением в жизни евангельского идеала», тогда как мирянство ничего не значит, оно как бы отсутствует. Это выражается в том, что миряне должны ориентироваться на монахов, из-за чего они становятся лишь неполноценным придатком к Церкви. Поэтому

у нас до сих пор нет ни цветущей мирянской жизни, ни соответствующей педагогики, ни вообще какой-либо самостоятельной церковно-мирянской культуры. Церковь просто забыла мирян, ведь они в ней гости, всего лишь *прихожане*.

3.6 Однако христианство, ориентированное на монашество, может созидать лишь очень ограниченные культурные формы, которые при этом изначально противопоставлены всему мирскому. Начавшись как народное и широкое *мирянское* движение, христианство сжалось до размеров монастыря. Между тем монашество — лишь малый островок в океане мирянской жизни, да и вообще клир — абсолютное меньшинство, т.е. Церковь не задействует бо́льшую часть своего потенциала. В силу этого христианство не может полноценно влиять на культуру, оно не в состоянии питать и преображать многообразие общественной жизни, из-за чего последняя становится светской, ведь мирян изгнали за церковную ограду — там они и реализуют свои таланты, которые должны были принадлежать Церкви. Но они ей как будто и не нужны, потому что монашество не может вместить в себя мирянскую культуру. Ибо не наливают вино новое в мехи ветхие (Мф. 9:17). Поэтому культура прорастает за стенами храма, поэтому общество неизбежно становится светским. Однако светское светит отраженным светом: он светит, но не греет.

3.7 Сказанное выше *нельзя* понимать как отвержение монашества. Существует великая традиция, которую хранит монашеская культура. Именно она на протяжении веков была проводником в Церковь. Для большинства людей именно она до сих пор отождествляется с Церковью. Тысячелетняя культура Византии дала нам прекрасные образцы высоких эстетических и нравственных форм, аскетической культуры и святости. И хотя эту эпоху не следует идеализировать, она есть напоминание о том, что христианство *может* создавать великую культуру. Поэтому вышесказанное ничуть не умаляет заслуг монашеского типа христианства.

3.8 Однако нужно признать, что есть и другая *христианская* святость, что возможна и другая *христианская* культура, что есть *мирянская святость*, которая ничем не уступает монашеской, но при этом вовсе не обязана быть отречением от мира.

3.9 Это новозаветный тип святости, до сих пор еще не раскрывшийся в христианстве. Объективная фиксация процесса монашезации христианства, который имел место в истории Церкви, не предполагает отвержения Священного Предания, наоборот, позволяет лучше его понять. Монашество и мирянство — это два столпа, на которых должно стоять христианство, ибо одно без другого неполноценно. Однако историческое христианство стоит на одной ноге, а потому не может идти и остается в прошлом. Поэтому время работает против него. Поэтому Церковь стала *антикультурой*, которая

везде ищет только врагов, ибо способ ее отношения к миру — порицание и запрет. А на этом ничего не построить. Нужно созидать новое.

3.10 Пришло время встать на обе ноги и обогнать черепаху светской культуры. Распространение монашества стало символом освобождения от власти кесаря, тогда как мирянство есть принцип свободы от церковной деспотии. Христианство должно преодолеть внутреннюю несвободу. Пришло время монахам и мирянам объединить усилия. Секуляризация необходима Церкви, чтобы обрести свободу от Левиафана, чтобы умалиться и ускользнуть из его сетей. Но сейчас Церкви необходима еще и *мирянизация*, ибо «жатвы много, а делателей мало» (Мф. 9:37).

3.11 Мы находимся в том историческом моменте, когда нужно вернуть мирянское служение (но не просто формально или на словах), когда нужно создать новый быт и новую культуру, которых до сих пор нет. Это будет *раскрытием и приумножением* того, что веками хранило монашество. Мир способен нести тяготы, перед которыми клир оказался бессилен.

3.12 Очевидно, это ставит вопрос о том, какое отношение к миру заповедал Христос. Возможна ли вообще христианская культура или это оксюморон? Вероятно, и секулярные мыслители, и многие монашествующие скажут, хотя и по разным причинам, что культура и христианство внутренне несовместимы. Но так ли это на самом деле? Что об этом сказал Господь?

3.13 Если заранее известно, что христианин не от мира сего и должен от него решительно отказаться, то не следует удивляться, что мир перестал быть христианским. Отречение христианства от мира есть *первопричина* секуляризации. Если христианство с самого начала противопоставлено культуре, если оно сознательно уходит из мира, отворачивается от мира, то вполне естественно, что мир будет жить без христианства, как может самостоятельно. Ибо свято место пусто не бывает. Если христианство ушло из культуры, то последняя становится не- или антихристианской. Это просто естественный порядок вещей. Но это значит, что не культура отторгла христианство, а само христианство отреклось от культуры, поскольку оно зациклилось на бесплотной жизни. Христианство так стремилось стать духовным, что превратилось в призрак. Поэтому вопрос о том, какое отношение к миру заповедал Христос, отнюдь не праздное любопытство.

3.14 Иначе говоря, нужно ли отрекаться от мира, чтобы быть настоящим христианином и приближаться к святости?

3.15 Очевидно, что «весь мир во зле лежит» (1 Ин. 5:19). Сказано вполне ясно, «кто хочет быть другом миру, тот становится врагом Богу» (Иак. 4:4), а также «не любите мира, ни того, что в мире: кто любит мир, в том нет любви Отчей» (1 Ин. 2:15). Значит ли это, что мир нельзя любить, что отречение от мира и всего мирского строго требуется апостолами?

3.16 Прежде всего, нужно услышать то, что говорит об этом сам Господь. Христос воплотился и пришел в мир, «ибо так возлюбил Бог мир (ἠγάπησεν ὁ Θεὸς τὸν κόσμον), что отдал Сына Своего Единородного, дабы всякий веру-

ющий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную. Ибо не послал Бог Сына Своего в мир, чтобы судить мир, но чтобы мир спасен был чрез Него» (Ин. 3:16–17). Мир во зле лежит, а Бог его все равно любит. Поэтому приведенные выше апостольские слова о том, что не надо любить мир, нельзя понимать вне контекста. Бог возлюбил мир и послал Сына не судить его, а спасти. Это ключевой момент: не осуждение, не отвержение, а спасение и преображение. В начале Бог сотворил мир, который получился «весьма хорошо» (Быт. 1:31), а затем «грех вошел в мир» (Рим. 5:12). Но это не значит, что сам мир стал злом. Грех вошел в мир, поэтому мир лежит во зле, но сам он не есть зло (вопреки тому, как думали гностики и манихеи — древние и современные).

3.17 Христос говорит, что «хлеб, который Я дам, есть Плоть Моя, которую Я отдам за жизнь мира» (Ин. 6:51). Мир искуплен жертвой Христовой. Это не значит, что мир стал безгрешным, но указывает на то, что мы должны направлять все наши усилия, чтобы преображать этот мир. Христос свидетельствует о мире, «что дела его злы» (Ин. 7:7), поэтому задача состоит в том, чтобы заполнить его делами добра. Так «князь мира сего будет изгнан вон» (Ин. 12:31), и мы должны быть соучастниками этого изгнания. Мир нужно очистить, а не отвергнуть.

3.18 Поэтому, когда апостол говорит «не любите мира, ни того, что в мире: кто любит мир, в том нет любви Отчей», то делает это вовсе не потому, что сам мир есть зло, но тут же объясняет причину: «Ибо все, что в мире: похоть плоти, похоть очей и гордость житейская, не есть от Отца, но от мира сего. И мир проходит, и похоть его, а исполняющий волю Божию пребывает вовек» (1 Ин. 2:15–17). Когда апостолы говорят о том, что не нужно любить мир, то имеются в виду дела его, которые злы, т.е. *только* грех этого мира. Поэтому апостол Иаков сначала обличает грехи (Иак. 4:1–3) и лишь затем добавляет: «Прелюбодействующие, разве не знаете, что дружба с миром есть вражда против Бога? Итак, кто хочет быть другом миру, тот становится врагом Богу» (Иак. 4:4). Это значит: лишь тот, кто грешит, кто друг греху этого мира, становится врагом Богу. Только грех наш враг, ибо он не от Бога. А сам мир сотворен Богом, и значит — от Бога. Грех в мире, но не мир. Поэтому «Я не молю, чтобы Ты взял их из мира, но чтобы сохранил их от зла» (Ин. 17:15). Мы не должны уходить из мира, но должны избегать зла. Поэтому траектория движения новозаветной святости противоположна отречению от мира: «Как Ты послал Меня в мир, так и Я послал их в мир» (Ин. 17:18). Иначе получается, что Христос посылает нас в мир, а мы из него уходим. Но зачем посылать нас в мир, если он не заслуживает любви? Мы призваны нести любовь в этот мир и быть ему светом, тем самым свидетельствуя о Боге. Как разъясняет ап. Павел: «Бог во Христе примирил с Собою мир (θεὸς ἦν ἐν Χριστῷ κόσμον καταλλάσσων ἑαυτῷ), не вменяя людям преступлений их, и дал нам слово примирения» (2 Кор. 5:19).

3.19 Итак, Бог во Христе примирил с Собою мир! Воспоем песнь примирения!

3.20 Увы, смешение мира с грехом встречается в христианской литературе повсеместно. Эта древняя богословская ошибка искажает и ограничивает благовестие, мешая росту христианской культуры. Но Христос освятил мир и есть Свет этому миру, ибо Он есть Солнце правды (Мал. 4:2). Поэтому Господь говорит, «вы от нижних, Я от вышних; вы от мира сего, Я не от сего мира» (Ин. 8:23) и потому «Царство Мое не от мира сего» (Ин. 18:36). Он есть свет миру, поэтому Он не от мира, но от Отца, и потому Царство Его не от мира, а от Отца, но для мира — для тех, кто в нем. Поэтому апостол говорит: «Вы — род избранный, царственное священство, народ святой, люди, взятые в удел, дабы возвещать совершенства Призвавшего вас из тьмы в чудный Свой свет» (1 Петр. 2:9). Мы призваны возвещать совершенства, т.е. созидать новую культуру, раскрывать свои таланты. Поэтому мы, «удалившись от господствующего в мире растления похотью» (2 Петр. 1:4), призваны сделать господствующей любовь. «Ибо всякий, рожденный от Бога, побеждает мир; и сия есть победа, победившая мир, вера наша» (1 Ин. 5:4). Поэтому «проходит образ мира сего» (1 Кор. 7:31), ибо мы его побеждаем и преображаем, изгоняем князя мира сего и созидаем новую христианскую культуру.

3.21 Мир принадлежит мирянам. Когда Церковь вспомнит о них, мир снова станет христианским.

3.22 Христос дважды напоминает слова пророка Осии: «Милости хочу, а не жертвы» (Мф. 9:13, 12:7; Ос. 6:6). В этом суть новой святости и Нового завета: Бог хочет, чтобы Его любили, а не приносили жертвы или боялись. Не долг, не страх, не закон, не жертва, а расположение сердца и любовь. Богу больше не нужна наша кровь! Ему нужна наша милость!

3.23 Ветхий человек боялся Бога, и правильно делал! Другие религии учат тому же, ибо сказано: «Начало премудрости страх Господень» (Притч. 1:7). И только новый человек во Христе уже может не бояться, ибо сам Господь на Тайной вечери говорит ученикам: «Я уже не называю вас рабами, ибо раб не знает, что делает господин его; но Я назвал вас друзьями, потому что сказал вам все, что слышал от Отца Моего» (Ин. 15:15). Раб боится господина своего, а друг не боится своего друга. Ученики Христовы — друзья Божии, и только друзьям может открыться великая и спасительная истина, что «Бог есть любовь, и пребывающий в любви пребывает в Боге, и Бог в нем» (1 Ин. 4:16). Только в Церкви можно прикоснуться к тайне Святой Троицы. Ибо «любовь от Бога, и всякий любящий рожден от Бога и знает Бога» (1 Ин. 4:7).

3.24 Так оставим страх за оградой Церкви! Он там, где нет любви Божией, он там, где рабство. А у христиан не так, ибо «в любви нет страха, но совер-

шенная любовь изгоняет страх, потому что в страхе есть мучение. Боящийся несовершенен в любви» (1 Ин. 4:18). Поэтому нам и сказано быть совершенными (Мф. 5:48). Что мешает нам стать ими?

4. ОПРАВДАНИЕ

4.1 Если все христиане призваны быть светом этого мира (Мф. 5:15–16), то в этом свете естественно будут расцветать искусство и культура. Сотрудничая с монашеством, миряне призваны идти в мир и создавать в нем новое. Это сложный путь, он полон опасностей, поэтому апостол предупреждает: «не будь побежден злом, но побеждай зло добром» (Рим. 12:21). Отсюда следует, что единственное оружие христианина — это добро, единственный метод — ненасилие. О, не следует недооценивать его силу! Тот, кто любит, не причиняет зла и не пачкает руки жестокостью. Ненасилие есть гигиена духа. Поистине безмерна сила ненасилия! Это мудрость, ловкость, предвидение, опережение. «Вот, Я посылаю вас, как овец среди волков: итак, будьте мудры, как змии, и просты, как голуби» (Мф. 10:16). Чтобы выжить среди зверей, недостаточно быть хорошим, нужно быть хитрее, быстрее, умнее, благороднее. Нужно быть сильным волкодавом, чтобы сила стала излишней, — чтобы самому не стать зверем. Ненасилие есть единственный путь вверх! Только так эволюционируют в святых — или умирают! Стань совершенным, иначе сожрут, растерзают, растопчут, уничтожат! Звери просто не умеют иного, они не ведают, что творят. Поэтому оружие христианина — мудрость и творчество, опережение и недопущение зла, т.е. активное ненасилие. Мы в опасности! Взбодритесь!

4.2 Увы, христиане соблазняются грехом и страхом, властью и силой. Ибо власть проще, эффективнее, надежнее. Поэтому христианство превращают в казарму. Но так не растут, не развиваются, не эволюционируют. Так прозябают. Ходят по кругу. Так лишь увеличивают количество зла в мире. Послушание земной власти превратилось в добродетель, поэтому столь неудобны слова Христа: «А Я говорю вам: не противься злому. ⟨…⟩ А Я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас, да будете сынами Отца вашего Небесного» (Мф. 5:39–45). Это сложно, ведь для этого надо опережать других в своем развитии, не опускаясь до звериного состояния. Но только так и становятся совершенными, поэтому Христос подытоживает сказанное выше такими словами: «Итак, будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный» (Мф. 5:48). Опережающее ненасилие делает нас совершенными сынами Божьими.

4.3 Всякое зло *задерживает* нас, оно вязкое и липкое, оно тянет вниз, заставляет пятиться назад и отступать, вынуждает деградировать и звереть. Зло делает нас дряблыми и слабыми, обхватывает холодными руками и душит, душит, душит. Зло есть следствие греха и нечистоты сердца.

4.4 Мы объявляем войну греху! Наша задача — наступать, распространять свободу, добро и красоту, тем самым вытесняя грех, чтобы зло стало неуместным, ненужным, избыточным, невозможным. Нельзя отступать, нельзя уступать греху. Разбуди в себе охотника: выслеживай грех, заманивай в силки, ставь ловушки! О, пора доставать пращи, пора выступать против Голиафа греха! Хватит его бояться. Хватит каяться в одном и том же. Кругом опасность, нельзя стоять на месте: стремись, возрастай! Стань выше опасности: словно носорог, слепой ко греху и устойчивый против стрел, умом же — змий хитрый. Отвратительно быть пошлым, серым, грешным!

4.5 Долго, слишком долго нас заставляли испытывать чувство вины за то, в чем нет греха. Мы шли не за Христом, а за Предтечей, равнялись не на Богочеловека, а на ангелов. Поэтому осудили телесность, красоту, веселость, легкость, творчество. Так и оболгали любовь, назвав ее скотством, плотскими страстями. Поэтому христианство и стало пресным, стерильным, безжизненным, малахольным. Оно стало пассивным и скучным. Аромат прекрасного вина выветрился из него. Ушло дерзание и дерзновение. Из-за этого христианство утратило перспективу, а потому уже не рождает для будущего, не созидает новое, но как бы живет назад.

4.6 Так станем творцами грядущего! Настоящее — перформативный акт, учреждающий будущее.

4.7 Берегитесь серого христианства!

4.8 Берегитесь закваски манихейской!

4.9 Спасительно не пассивное неделание зла, но активное делание добра.

4.10 Если ты художник, скульптор, архитектор, не откладывай свой труд в сторону, — пиши, лепи, проектируй, — во славу Божию!

4.11 Если ты певец, музыкант, аранжировщик, — не переставай петь, играть, улучшать, — во славу Божию!

4.12 Если ты театрал, не бросай игру и сцену — во славу Божию! Ей-ей, театр тоже может вести к Богу! Он хранит тайну присутствия.

4.13 Если ты режиссер, фотограф, актер, — снимай, показывай, созидай во славу Божию!

4.14 Если ты ученый, философ, левша, — изобретай, открывай, конструируй, познавай таинственный мир Божий, — во славу Божию! Особенно ученым не нужно стесняться своей веры, ибо мракобесие не от Бога. Это видно уже по тому, что мракобесы, как правило, жестоки и не любят ближнего.

4.15 Если ты писатель, поэт, стендапер, — пиши, голоси, жги глаголом, — во славу Божию! Не стесняйся смешить Бога своими планами!

4.16 Если ты танцор, хореограф, балерина, — создавай, танцуй, ликуй! Подобно царю Давиду, пляши от радости и скачи от полноты сердца — во славу Божию! Пой языком тела, ибо телесность освящена Христом!

4.17 Если ты IT-, AI-разработчик, — сочиняй, обучай, программируй, — во славу Божию! Не плоди иллюзий, созидай светлое! Запустим троянского коня живой любви в виртуальную реальность! Станем секретными агентами святости и хакерами живой Церкви!

4.18 Что бы ты ни делал, преображай свой труд! Какую бы работу ни выполнял, чем бы ни занимался, что бы ты ни творил доброе — делай, и пусть не смущается сердце твое! Свобода и творчество — наша стихия, наши методы! К этому призывает сам Господь! Да будет воля Его!

4.19 Примечательно, что выражение «во славу Божию» давно уже используется лишь как насмешка, в смысле бесплатной и неблагодарной работы, но на самом деле *слава* Божия есть *присутствие* самого Бога. Поэтому не стесняйся, созидай и твори во славу Божию — и будешь с Богом!

4.20 Не отрекайся, преображай! Мир превратно истолкован, исправляй! Семена добра взойдут там, где мы их посеем. Во все дали, во все науки, во все открытия пусть суют свой нос христиане! Но не для того чтобы запрещать, а чтобы преображать, развивать, перенаправлять в благое русло. Взорвем нигилизм изнутри! Пора встать на волну и возглавить культуру! Св. Ириней Лионский назвал это рекапитуляцией: переоглавлением во Христе. Пусть капитулировавшая христианская культура начнет освящать мир, а не убегать из него!

4.21 Теоэстетика и есть пересборка культуры. Ибо творчество для христианина — не какое-то лишнее или праздное занятие, а в первую очередь то, что прославляет Бога. Под гнетом лицемерия и фарисейства люди забывают о необходимости созидать и творить новое, мирянам даже прямо это запрещают. Их заставляют поклоняться «мертвым богам» (Дидахе 6.3), их учат подражать призракам. Но Бог — Творец, сотворивший мир «из ничего» (2 Мак. 7:28). Мы — образ Его, поэтому и мы — творцы. Если хочешь раскрыть свое богоподобие — твори, дерзай, светись! Твори для Бога и Его Церкви! И не слушай морализаторов и фарисеев, они уже получают награду свою.

4.22 И знай: твое творчество нужно Церкви! Она нуждается в нем!

4.23 Миряне и монахи — народ Божий, царственное священство! И ничуть не менее, чем кто-либо еще, будь то епископы или благочинные. Церковь наша, общая. Во Христе нет не только эллина и иудея, но нет и деспотов, и господ, но все друзья Богу, все братья и сестры друг другу (Кол. 3:11). И у епископа нет власти, кроме любви, а если у него нет любви, то у него нет и никакой власти. Ведь если «не имею любви, то я ничто» (1 Кор. 13:2). Что общего у Церкви и армии? «Что общего у света с тьмою? Какое согласие между Христом и Велиаром?» (2 Кор. 6:14–15).

4.24 Мирянин, ты не приходишь в Церковь, а носишь ее в себе, ибо «миряне и есть Церковь» (Р. Тафт). Она живет в тебе и тобой: «Царствие Божие внутрь вас есть» (Лк. 17:21). Поэтому Господь говорит: «Царство Мое не от мира сего; если бы от мира сего было Царство Мое, то служители Мои подвизались бы за Меня» (Ин. 18:36). Что значит подвизаться за Христа? Это значит: любить и не зарывать свой талант в землю, т.е. не предавать будущее и светить миру. Освящать мир, а не обмирщать его!

4.25 Увы нам! Христианский ландшафт давно стал пустынным, тут уже не изобретают новое, тут не прорастают прекрасные цветы открытий и откровений. Тут запрещают и проклинают. Это словно синдром выученной бесплодности и, в конечном итоге, трусливый ресентимент. Мы стали бояться науки, творчества, красоты. Но Церковь способна вместить в себя любое искусство, любую науку: она есть истинная свобода, ибо то, что не против нас — за нас! «Иисус сказал: не запрещайте ему, ибо никто, сотворивший чудо именем Моим, не может вскоре злословить Меня. Ибо кто не против вас, тот за вас» (Мк. 9:39–40). Так пусть ваше творчество станет настоящим чудом!

4.26 Не отрекайтесь от жизни, а сотворяйте ее! Не ищите тех, кто против вас, ищите тех, кто за вас! И пусть мертвые завидуют живым, а не живые уподобляются гробам крашеным! Не нужно умерщвлять страсти, нужно умерщвлять грехи. Страсти нужно воспитывать, ведь и сам Господь имел их, из-за чего они перестали быть предосудительными, ибо «ревность по доме Твоем снедает Меня» (Ин. 2:17; Пс. 68:10). Поэтому страсть священна, если она не ко греху. «Ибо крепка, как смерть, любовь; люта, как преисподняя, ревность; стрелы ее — стрелы огненные; она пламень весьма сильный. Большие воды не могут потушить любви, и реки не зальют ее. Если бы кто давал все богатство дома своего за любовь, то он был бы отвергнут с презреньем» (Песн. 8:6–7). Как любовь может избежать страсти? Не угашайте любовь! Не умерщвляйте страсти! Рождайте новое, раскрывайте свои таланты! Пришло время расправить плечи!

4.27 Пора покончить с рабским, ложным сознанием! Церковь отчуждена от мирян, но не от Бога это!

4.28 От постоянных запретов пора выйти на свет благодати. Дело вовсе не в том, чтобы отвергнуть аскезу, а в том, чтобы она перестала быть самоцелью, ибо она естественно возникает там, где рождается желание Бога. Однако нельзя желать Бога по календарю. Церковь не система, не банк и не казарма, но прекраснейшая из невест. Система — лишь одна из ее исторических форм, которая неизбежно изменится. Поэтому с презрением отвергаем мы все, что недостойно Церкви, т.е. все, что меньше любви и святости. Увы, исключительное доминирование традиции отречения от мира привело к тому, что в христианстве выработалось стойкое отторжение всего эротического, плотского и телесного, от свободы и творчества, что было вызвано древним страхом красоты. Это и породило светскую культуру, которая *све-*

тит отраженным светом, ибо как такового светского не существует: благодать сомнений посылается тогда, когда Церковь превращают в тюрьму или казарму. Угол сомнения равен углу лицемерия.

4.29 Нынешние фарисеи и бюрократы учат не свободе, а раболепию. Что они могут предложить современному обществу, кроме осуждения? С чем они выходят на амвоны, кроме обличений? Что они могут сказать по научным, техническим, политическим, творческим и бытовым вопросам жизни современных людей? Они лишь воспроизводят унылые нравоучения и заискивают перед начальством. Им просто нечего предложить миру, ибо дом их пуст (Мф. 23:38). А мы жаждем святости и презрением отвергаем все, что меньше этого! От избытка сердца поют наши уста! Ибо мы полны жизни, полны радости, полны чуда, полны тайны!

4.30 Кто любит, тот дарит милость, а не осуждение. Нам дана величайшая из заповедей: «Заповедь новую даю вам, да любите друг друга; как Я возлюбил вас, так и вы да любите друг друга. По тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою» (Ин. 13:34–35). Так почему нам не стыдно от того, что по нашим делам не узнают, что мы ученики Христовы? Глядя на нынешних христиан, кто удивится тому, что Бог оказался поруганным? Ведь это нас ненавидят, а не Христа. Таковы плоды наших дел. Это же историческое фиаско! Но это значит, что христианство еще даже не началось! Ибо «кто не любит, тот не познал Бога, потому что Бог есть любовь» (1 Ин. 4:8).

4.31 Любовь — это вызов, это дерзание, это величайшее из искусств! Но любят лишь то, что прекрасно!

4.32 Так не раболепствуй, ибо тем ты унижаешь и жертву Христову, и свое царственное достоинство.

4.33 Не лицемерь, ибо так ты отворачиваешься от Солнца правды.

4.34 Не фарисействуй, ибо так ты становишься врагом Богу.

4.35 Не будь занудой, ибо где скучно, там демонов тучно.

4.36 Расхожая поговорка про хорошую компанию в аду пусть будет нам назиданием. Почему мы стали так унылы, что от нас хотят спрятаться в аду? Это позор на наши головы! Мы оскопились и осудили любовь к миру и жизни, так что в современной культуре нет ничего *менее* желанного, чем спасение. Никто уже не понимает, что это и зачем вообще нужно. Ибо кажется, что предлагают спасение от жизни.

4.37 Поэтому люби, и так исполнишь заповедь Христову!

4.38 Радуйся и веселись, ибо любящие полны благодати!

4.39 Тянись к прекрасному, ибо там обитает святость!

4.40 Не унывай и не бойся, ибо ты христианин!

4.41 Преодолевай свою обыденность и пошлость! Выдавливай из себя грех по капле, и придет день, когда его не останется. Без ядов греха ты отрезвеешь и преобразишься. Это лишь вопрос твоего выбора.

4.42 Жизненно необходимо отменить лихоимство и крепостное право в Церкви, нужно освободить священство, вернув ему право голоса. Нужно отменить китч и капитализм в Церкви. Король-то голый!

4.43 Нужно заместить греховное активным деланием добра, опережающим творчеством, любовью к прекрасному. О, мы тянемся к совершенству! И пусть псы возвращаются «на свою блевотину» (2 Петр. 2:22).

4.44 Никакая этика сама по себе не способна преодолеть зло и грех. Только любовь к прекрасному их преодолевает. Но теология, которая могла бы научить этому, безнадежно отстала. Она превратилась в карикатуру. Она отстала от общества, от цивилизации, она стала бременем прошлого. Поэтому нам необходимо ускорение, нужна *теологическая акселерация*. Нам нужна перспектива, взлетная полоса, кураж, рывок. Но теология не успевает опомниться, прогресс давно обогнал культуру, поэтому мы стоим на пороге всемирной катастрофы, какой бы она ни была. Лишь умные и добрые могут победить глупых и злых. Пусть злоба останется вымирающему виду, а «кто во Христе, тот новая тварь» (2 Кор. 5:17). Но мы топчемся на месте и не растем, не развиваемся, не обновляемся святостью, а потому можем проиграть в этой гонке вооружений. Необходимо ускорить процесс духовной эволюции, мы должны стать более добрыми, более умными, более прекрасными. Мы обязаны стать совершенными! Надо не ностальгировать по ушедшим временам, а украшать реальную жизнь. В конце концов, выбор предельно прост: всеобщее вымирание или Христос. Или мы создадим новое, или погибнем! Мы — или новый вид, новая тварь, или серая посредственность, которая вымрет.

4.45 Пора убедиться на опыте, что откровение возможно, что встреча с Богом может состояться, что можно жить в Духе Святом. Бог открывается делами милосердия и творческими прорывами. Надо выпрямить пути и выйти навстречу, надо подготовиться, чтобы этот опыт случился. Мы должны форсировать события, должны усердствовать в добродетели и преуспевать в прекрасном. Мы уже опоздали, поэтому нужно действовать молниеносно. Мы должны быть хитрее змей, которые все отравляют, быстрее волков, которые разрывают плоть. Дело вовсе не в геополитике, а в том, кому будет принадлежать будущее: нам хватает места, нам не хватает времени. Мы опаздываем на несколько ходов и веков, но это наша ошибка, ибо мы сможем догнать черепаху прогресса, если встанем на обе ноги и научимся ходить. А пока что тьма побеждает. И дух злобы борется против нас — пора уже признать его агентность (хотя бы в рамках акторно-сетевой теории).

4.46 Вся христианская этика такова: люби Бога и ближнего (Мф. 22:36–40; Ин. 13:34). Никакой другой этики в христианстве не было и нет. Все остальное — творческая свобода. Все, что приближает к Богу, — освобождает. Все, что не приближает к Богу, делает тебя слабее. Поэтому совершенный в люб-

ви не боится и свободен делать что хочет. В этом вся этика. И в ней же правда. И в ней же эстетика.

4.47 И пусть мертвые хоронят своих мертвецов, пусть враги ищут себе врагов, пусть скопцы отворачиваются от прекрасного, а мы пришли оплодотворить этот мир!

4.48 Любая культура — это творчество, она рукотворна и плодоносна. Мир стремительно меняется, но меняют его весьма далекие от христианства люди, и меняют по-своему. Грешные люди заполняют пространство культуры своими насаждениями — тернии и волчцы взращивают они. Куда ни посмотри, везде их сорняки всходят. И единственная причина этого в том, что христиане сами отказались возделывать культуру, обесценив мирянство, отвернувшись от творчества и красоты. Мирское есть обесцененное мирянское.

4.49 Любая культура нуждается в святости. Но как ее обрести и зачем вообще к ней стремиться, если для этого требуется зарыть свой талант в землю? Церковь сегодня не поддерживает, не вдохновляет, не благословляет искусство. Оно для нее соблазн, оно слишком свободно, оно находится под подозрением. Но разве Господь пришел не для того, чтобы «исцелять сокрушенных сердцем, проповедовать пленным освобождение, слепым прозрение, отпустить измученных на свободу»? (Лк. 4:18). Поэтому там, где нет свободы, нет и христианства. Но вместо того чтобы возглавить, Церковь отрицает культуру. Она есть аскетическая антикультура. И все же она может рождать великое творчество, через это преображая общество. Просто не нужно в зародыше душить искусство морализаторством и канонами. Христианство — это целый мир, огромная вселенная, а оно превратилось в обрядоверие и субкультуру — одну из множества. Его превратили в застывшую форму.

4.50 Увы, творчество кажется лишним или слишком опасным для христианина, будто искусство само по себе заражено грехом. Музеи современного искусства, кинематограф, театральные сцены и прочая, весь творческий авангард — определяющий образ будущего — не только чужд христианству, но зачастую открыто ему враждебен. И это *только* потому, что само христианство стало враждебным творчеству, поскольку оно сузилось до размеров монастыря и может лишь обличать все, что выходит за его стены. Но сила творчества должна быть силой Церкви, если она создаст мирянскую культуру, в пространстве которой будут возможны творческие поиски, за которыми не последует осуждение, подрезающее вдохновению крылья.

4.51 Творчество есть истинное служение Богу!

4.52 Нет, это не частное мнение.

4.53 Нет, это не что-то малозначительное.

4.54 Нет, это не то, что можно как бы попустить.

4.55 От этого зависит судьба христианства и всего мира.

4.56 Это нужно не просто признать, но необходимо провозгласить, сделать императивом, манифестировать, об этом надо кричать на каждой проповеди. Это надо сделать ближайшей целью и насущной необходимостью.

4.57 Пусть знают все, что христианство больше не отрекается от мира!

4.58 Нас больше не за что ненавидеть!

4.59 Умножим творчество, освободим красоту, увлечемся добром и правдой, чтобы злу банально не осталось места!

4.60 До сих пор многие богословы обедняли Церковь. Ее ограничивали, сокращали, разделяли. Каждый выделяет то, что ему близко, и все во имя своих мелких интересов. Так сделаем ее вновь богатой любовью, красотой, правдой, добром, свободой, наукой, искусством, радостью, смехом! Пусть она забеременеет будущим! О, бесплодная Сарра! Ты еще станешь матерью бесчисленных детей! И мы посмеемся над собственным неверием!

4.61 Однако многие люди уже не способны верить. Бессилие стало уделом христианского мира. Бесплодны дела его. И многие сдаются. Хотят верить, но не могут. Они находятся в плену абстракций, ведь не только тело без духа мертво, но и дух без тела лишь призрак. А вера есть деятельное творчество, вовлеченная любовь к Богу, ведь для любви нужны двое. Твори свою веру и будь свободен в этом творчестве: своей верой мы сотворяем мир, ибо мы — соработники Бога живого, мы творим вместе с Ним, ибо Он творит через нас. Вера — это не вымучивание из себя некой уверенности, не статичное и слепое доверие, но открытое направление, в котором нужно идти, ползти, бежать, лететь, ведь вера без дел мертва (Иак. 2:14–26). Глупо стоять на месте и недоумевать, почему ты еще не приблизился к цели.

4.62 В основе творчества лежит влечение к прекрасному, тоска и боль по возвышенному, даже если оно ради правды может доходить до самоотрицания, не стесняясь уродства и зла этого мира. Творчество есть смелость и дерзновение, оно есть правда жизни. Но долгие века красота подвергается осуждению. Христианам кажется, что она может быть искушающей, вводящей во грех: «О, развратная красота!», восклицал некогда Климент Александрийский. А потому ее боятся, ей пренебрегают, от нее отвернулись.

4.63 Можно ли оправдать красоту, спустя века проклятий и осуждений?

4.64 Если красота в основе творчества, значит, она в основе всей культуры. Более того, она в основе *всей* человеческой деятельности, в основе политики и экономики. Все ради нее! Следовательно, оправдав красоту, можно разблокировать творчество, можно формировать будущее, т.е. примирить культуру и христианство, ведь Бог дал «нам служение примирения» (2 Кор. 5:18). Так давайте примирять! Тем и послужим Богу!

4.65 Издавна разделяются два вида красоты, как разделяются мирское и ангельское. Следуя за Платоном, противопоставляли красоту небесную и земную, и если к первой следует стремиться, то второй нужно избегать. Но именно это и вело к эстетике докетизма и манихейства. Ибо платонизм обесценивает мирскую, плотскую, страстную красоту, как будто в ней есть

что-то плохое. Но христианство вовсе не платонизм для народа. Все земное сотворено Богом и потому прекрасно, если не искажено грехом и в той мере, в какой не искажено. Тем не менее сама телесность была отравлена подозрением, да и прямо объявлялась скотством. «Песнь Песней» из гимна любви и священной страсти стала манифестом докетизма, ибо трактовалась *только* духовно. Вместо того чтобы становиться богами, христиане стали подражать служебным и бесплотным силам. Однако без телесности все становится призрачным, а не духовным.

4.66 Христос оправдал и освятил плоть (ὁ Λόγος σὰρξ ἐγένετο), а мы сделали ее своим врагом. Он разделил с нами наши страсти, научив нас быть телесными без греха. Поэтому «наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесных» (Еф. 6:12). Но нам проще поститься, чем обличать зло, поэтому христианство живет в добровольной вражде с плотью и послушании мироправителям тьмы. Оно живет в оскоплении и ослеплении, вырывая свои глаза и не видя славы Божией, почему-то удивляясь безбожию, которое и рождено этой слепотой. Однако не слепота рождает великую культуру, не скопцы ее оплодотворяют. Великая красота рождает великую культуру!

4.67 «Если правый глаз твой соблазняет тебя, вырви его и брось от себя» (Мф. 5:29). Если! Значит, всякий христианин может научиться смотреть на мир без вожделения; видеть мир и не внимать его греху. Позитивный смысл слов Христа, которые определяют отношение к культуре, до сих пор не раскрыт. Мирянская церковная установка заключается не в том, чтобы отказываться от мира, а в том чтобы научиться смотреть без вожделения, видеть мир без похоти и гордыни. Задача абсолютно позитивная: активно преображать себя и окружающий мир, светить всем вокруг, а не заниматься членовредительством.

4.68 «И если правая твоя рука соблазняет тебя, отсеки ее и брось от себя» (Мф. 5:30). Если! Значит, проблема не в глазах и руках, которые созданы для того, чтобы видеть красоту и осязать ее. Проблема только в грехе, только в похоти очей и гордости житейской. Однако христианство приучило себя не замечать и даже осуждать мир и его красоту. Но мир не есть грех. Пора открыть глаза и заново учиться видеть. Пора вернуть себе мир. И для начала следует осознать это как творческую задачу.

4.69 Мир еще даже не видел настоящего христианства! До сих пор мы лишь опробовали ветхие модели, на себе испытывали, что могут вместить мехи старые, но у нас еще есть и новые! Стать христианином — это вызов, это проект, это семя, которое посадил Христос. Создать христианскую культуру — наша общая задача, которая актуальна здесь и сейчас.

4.70 Нет никакого абстрактного будущего. Будущее — это мы, это совокупность наших действий сегодня, которая и определяет то, что будет завтра. Мы прямо сейчас можем задавать параметры грядущего!

4.71 И значит, мы должны создавать новую культуру, церковно-мирянскую, которая не будет тупиком, отличаясь от узко-монашеской, но и не будет конкурировать с последней, ибо правая рука не должна бить по левой. И тогда христианство нас удивит. Мирянская культура будет другой, она будет *восполнять* монашескую, чтобы христианский мир исполнился полнотою, «и благодать на благодать» (Ин. 1:16).

4.72 Отсюда девиз нашего Просвещения: «Братия, не будьте дети умом: на злое будьте младенцы, а по уму будьте совершенными (τέλειοι)» (1 Кор. 14:20). Но именно таков был девиз и Просвещения более позднего: «Sapere aude! — имей мужество пользоваться *собственным* умом! — таков, следовательно, девиз Просвещения» (И. Кант). Увы, многие творческие порывы, рожденные в христианстве, со временем обращаются против него. Такова судьба Ренессанса и Просвещения, таков путь социализма и романтизма, такова участь психологии и многих наук. Если бы христиане любили друг друга и не боялись, то условные Маркс, Ницше и Фрейд, весь их творческий пафос, зачатый христианством, служил бы Церкви и не был ее врагом. Но раз за разом христианство отказывалось от своих детей, которые находили себе приют в других обителях. Они уходили, возненавидев матерь Церковь.

4.73 Блудные дети, пора вернуться домой! Христианство породило гуманизм, социализм, Ренессанс, Романтизм, Просвещение и многое другое. Все это плоть от плоти нашей. Все это могло быть нашим и уже есть наше. Ибо мы оправдали мир, оправдали его святость, красоту, любовь, милосердие, справедливость, телесность! Мы отрекаемся от фарисейства и пошлости, от угождения мамоне и мироправителям тьмы! Бывшие Савлами, мы из мироотрицателей становимся миротворцами! Мы — примирители и творцы новых миров! Этот мир вот-вот рухнет, человек потерял себя, и только мы храним то, что утрачено. Придите к нам, чтобы обрести себя!

4.74 Если политические понятия суть секуляризованные (т.е. ослепленные) теологические, то борьба социалистов есть лишь слепая борьба с мамоной. Эта борьба ведет свое начало от евангельской проповеди справедливости и милосердия (Мф. 6:19, 19:24; Лк. 6:24, 12:33, 14:33; Иак. 2:5–7, 5:1–6). Нетрудно догадаться, почему правда социализма была направлена против исторического христианства! И тем не менее тайна гуманизма сокрыта именно в Евангелии, без которого она теряет свой смысл. Все великие революции могли стать революциями милосердия, они могли быть христианскими прорывами, ибо совершались во имя забытых *христианских* добродетелей. Ведь если «кто имеет достаток в мире, но, видя брата своего в нужде, затворяет от него сердце свое: как пребывает в том любовь Божия?» (1 Ин. 3:17). И так со всеми достижениями культуры: все они могли преображать мир, а не становиться причиной разрушения и уничтожения.

4.75 Поэтому нам нужна революция милосердия! Хватит жертв и всесожжений, пришло время теургии! О, как много творческой жатвы и как мало делателей! «Итак, молите Господина жатвы, чтобы выслал делателей на жат-

ву Свою» (Мф. 9:37–38; Лк. 10:2). Поля культуры созрели, они ждут своих виноделов.

4.76 История Европы не есть процесс постепенной деградации и обмирщения. Достаточно нытья и уныния! Будем благодарны за все уроки, лишь бы они не остались невыученными. В истории есть Промысл: смысл прогресса заключен в медицине, а основание медицины — в милосердии и человеколюбии. «Итак, во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними, ибо в этом закон и пророки» (Мф. 7:12). Этого достаточно, чтобы перестать очернять прогресс. Прошлое и настоящее — материал, из которого мы будем лепить будущее. Уже сейчас будущее в наших руках, на нашем гончарном круге! Почувствуйте радость созидания!

4.77 И пусть атеистическая эпоха останется этапом взросления, пубертатным периодом на нашем пути к совершенству. Эта эпоха была периодом необузданных страстей. Но к чему тянутся все страсти, сами того не осознавая? Все они жаждут любви, радости, удовольствия, т.е. всего того, что рождает красота. Они хотят бури и натиска! Так не будем запрещать, дадим им то, чего они ищут! Хватит сивухи, пора открывать лучшие вина!

4.78 Красота есть принцип привлекательности, без нее все приходит в уныние и упадок, без нее все обесценивается. Никакая культура не может жить без красоты. Поэтому нужно увидеть священную сущность прекрасного, чтобы понять, когда и почему к ней прилепляется грех, когда и почему она становится опасной. Если глаз твой соблазняет, то может и не соблазнять! Следовательно, задача в том, чтобы научиться смотреть на красоту без похоти. Христос научил нас видеть, слышать, осязать по-новому.

4.79 Если глаз тебя не соблазняет, не надо его вырывать!

4.80 И если сам не соблазняешься — радуйся, созерцая и созидая прекрасное!

4.81 А если ты вырвешь то, в чем нет греха, как сможешь увидеть Бога и красоту дел Его? Ты просто останешься слепым и не сможешь радоваться. Ты станешь творческим импотентом. И в этой пассивности и слепоте возненавидишь и себя, и мир, и Бога. Поэтому именно *видимое* сияет светом невечерним, ибо «невидимое Его, вечная сила Его и Божество, от создания мира через рассматривание творений видимы» (Рим. 1:20). Значит, именно земное манифестирует небесное. О, на этом корабле уже давно кто-то должен был крикнуть: земля!

4.82 Земля! Земля! Мы подобны измученным мореплавателям, которые робко и радостно ступают на твердую почву, будто впервые! Слишком долго нас укачивало и штормило! Но теперь мы будем строить новое!

4.83 Чем сильнее потребность в красоте и счастье, тем сильнее потребность очистить себя. Это мощнейший стимул, который нужно задействовать. Ибо грех ослепляет, а тут ведь есть на что посмотреть! Но горе тому, кто прозреет, у кого откроются глаза на красоту мира, а сердце останется нечи-

стым. Он впадет во грех, найдя себе осуждение, так что слепота для него лучше! Похоть распаляется прекрасным, она жаждет его растлить, надругаться, замучить. Ибо сатанинское ненавидит свет чистой красоты. Омоем руки от греха, очистим сердца наши!

4.84 Тогда явно увидим, что тварный мир делает видимым нетварное, ибо примиренный во Христе мир являет славу Божию. Поэтому «ничто, извне входящее в человека, не может осквернить его, но что исходит из него, то оскверняет человека» (Мк. 7:15). Значит, созерцание *любой* красоты не может осквернить человека, но только похоть, исходящая из сердца, лишь она оскверняет и искажает.

4.85 Значит, красота недвойственна!

4.86 Значит, небесная и земная красота суть одна и та же, ибо вся красота от Бога, и поэтому через рассматривание земной красоты можно увидеть силу и славу Божию. Земная красота есть подобие небесной, согласно принципу аналогии, поэтому мирская красота не хуже и не ниже духовной.

4.87 Пусть расцветают цветы монашества! Пусть благоухает духовный луг, пусть сияет небесная красота! Но тогда пусть не подавляют и мирянскую красоту! Пусть земное и плотское не смешивается с грехом и грязью! Ибо и оно от Бога! Пусть расцветают все цветы, но не соперничают друг с другом! Ибо у подлинной красоты нет врагов, кроме мертворожденных!

4.88 Когда красота будет полностью оправдана, добро станет вновь привлекательным. Тогда и правда перестанет быть холодной, безразличной, бесчеловечной. Тогда единство доброты, красоты и правды будет явлено и оправдано пред лицом интеллектуальной честности. Тогда спадут оковы и снимутся препятствия и заработает механика великой культуры — и мы выйдем из гуманитарного кризиса. Это будет величайшая из всех реформ!

4.89 Отныне все будет перестраиваться. Социализм и гуманизм вернутся в свое церковное лоно. Ренессанс и Просвещение обновят начала новой культуры милосердия. Научно-технический прогресс станет прирученным хаосом. Знания будут собраны воедино и заработают на благо всем нам.

4.90 Ибо какое дело нынешним социалистам и гуманистам до справедливости и человека, если мы компост? Это больше не работает. Поэтому и наступает постгуманизм, который породит куда более бесчеловечную эпоху, чем все предыдущие. Ибо гуманизм может быть основан только на вере в человека, т.е. на милосердии и любви, но это наша вера и наша любовь, которой взаймы пользовалась старая культура. И вот, ресурс исчерпан. Но человек все же остается центром вселенной потому, что «тварь с надеждою ожидает откровения сынов Божиих» (Рим. 8:19). Возделывать и спасать этот сад суждено нам.

4.91 Так пусть грянет гром! И пусть веет тихий ветер! Дети земли снова становятся детьми Божьими! Блудные дети возвращаются в Отчий дом! Для этого нужно лишь открыть сердце для прекрасного! Нужно очистить сердце, а не вырывать глаза!

4.92 Ибо в самой красоте нет греха, она чиста и свята!

Ибо красота непорочна!

А значит, красота священна!

И нет ничего более естественного для христианина, чем тянуться к ней всеми силами своей души.

4.93 Ибо там свобода, правда и доброта.

4.94 Ибо красота преображает человека, а через него и весь мир.

4.95 Ибо она спасает человека, а через него и все его окружение.

4.96 Красота меняет нашу способность видеть мир, она раскрывает его в первозданном свете. В этом смысл филокалии. Мы знаем, что красота, очищенная от порока, ведет к Богу. Такая красота манифестирует священное и возвышенное. В этом суть теоэстетики.

4.97 Красота возвышает. Так не будем больше ее осуждать!

4.98 Все хрупкое, нежное, слабое — сбережет и возвысит красота. Все сильное, дерзкое, штормовое — примет и усилит красота.

4.99 Она есть сияние святости, ибо не отделена от свободы, правды и добра.

4.100 Лишенная правды, красота задыхается и опошляется, превращаясь в розовый китч.

4.101 Лишенная добра, красота превращается в пустое эстетство, в нарциссизм и жестокость.

4.102 Поэтому красота нисходит до самых глубин, не стесняясь уродства и безобразия — она чиста и может смотреть прямо в глаза всем труждающимся и обремененным. Где свобода, там и путь к святости.

4.103 Красота катехична (от κατέχων — удерживающий), она удерживает мир от разрушения, чтобы «тайна беззакония» не поглотила всех нас (2 Фес. 2:7). Ибо она показывает, как все сущее устремляется вверх и обретает крылья.

4.104 Проверь себя, посмотри на красоту: если она соблазняет тебя, то сердце твое не чисто. Загляни в себя, найди корень проблемы. Пойми, сколь многого ты лишен из-за этого! Поэтому научись смотреть свято и чисто! Богатей восприятиями! Когда очистишь глаза от похоти, увидишь прекрасный мир! Ибо «для чистых все чисто, а для осквернённых и неверных нет ничего чистого, но осквернены и ум их и совесть» (Тит. 1:15). Но мы привыкли не доверять Духу Святому, поэтому хотим все контролировать и запрещать, из-за чего утверждается мертвящее фарисейство, питающее порочную волю к власти. Поэтому кругом закон и канон, а не благодать. Однако ап. Павел говорит, что «грех не должен над вами господствовать, ибо вы не под законом, но под благодатью. Что же, станем ли грешить, потому что мы не под законом, а под благодатью? Никак!» (Рим. 6:14–15). Благодать есть свобода, поэтому в Церкви возможна только свободная власть любви, только свободная иерархия святости, ибо любящий во Христе свободен от греха и чист, а потому не нуждается в надзирателе.

4.105 Хватит фарисействовать и запрещать, пришло время созидать в Духе Святом! «Запрещается запрещать!» Надо показывать пример, а не командовать и связывать руки.

4.106 Да, красота не стерильна и не соблюдает фарисейских правил, но и святость не занудна и не скучна. Красота смеется над ханжеством и морализаторством. Она с презрением смотрит на тех, кто хочет ее присвоить. Она не отказывает сирым и убогим, богатым и сильным: она открывается любому, ведь она дышит, где хочет.

4.107 Сколько едкого юмора излили на христианское ханжество деятели Просвещения! Глупые оскорбились, умные сделали выводы.

4.108 Сколько несправедливости и раболепия обличили Маркс и Ницше! Глупые оскорбились, умные сделали выводы.

4.109 Сколько воды излили советские и нынешние атеисты в адрес христианства! Глупые оскорбились, а умные пошли по этим водам!

4.110 Так пусть это мертвое море критики и слез будет назиданием для всех христиан! Пора уже сделать выводы и ускориться! Нам необходима теургическая акселерация!

5. ЗАДАЧА НАЧАЛА

5.1 Теоэстетика появилась как реакция на секуляризацию европейской культуры, вызванную деэстетизацией богословия, на что обратил внимание Х.У. фон Бальтазар. Чтобы изменить ситуацию, он попытался «представить христианское богословие в свете третьей трансценденталии, а именно присовокупить к понятиям *verum* (истинное) и *bonum* (благое) и третье — *pulchrum* (прекрасное)», показывая, «какой ущерб нанесла христианской мысли утрата этого ракурса, который когда-то всецело определял богословие». Будучи знатоком истории христианской мысли, Бальтазар показал, что подлинная красота есть сама слава Божия, т.е. божественная сила и энергия. Он обосновал свой подход с помощью учения о трансцендентали-ях, говоря о единстве истины, добра и красоты. Этот подход является квинтэссенцией христианской метафизики, но современные христиане о нем даже не слышали.

5.2 В нынешнем веке красота, добро и правда раздроблены, противопоставлены, их растаскивают в разные стороны грех и зло этого мира. И было бы непростительным отворачиваться от ужасов и несовершенства жизни. Уродство, боль и страдания часто сплетаются с красотой, ибо одно не изолировано от другого. Поэтому они сходятся на Кресте. Поэтому теоэстетика находит свое естественное продолжение в теодраматике. Поэтому так трудно сегодня говорить о единстве трансценденталий, ибо всякий видит, как

несовершенен этот мир, сколь многое в нем искажено и искалечено. Но это и есть задача, это и нужно исправить! Нужно вернуть Пангею трансцендентального единства, чтобы истина, добро и красота снова были вместе.

5.3 Так сдвинем горы и континенты, объединим совершенства! Ведь любовь и есть совокупность совершенств (Кол. 3:14). Для нас нет ничего невозможного, «ибо истинно говорю вам, если кто скажет горе сей: "поднимись и ввергнись в море", и не усомнится в сердце своем, но поверит, что сбудется по словам его, — будет ему, что ни скажет» (Мк. 11:23).

5.4 И для начала — повернем реки культуры! Откроем плотину и обрушим наше творчество на эту плоскую цифровую эпоху! Дадим ей глубину и перспективу! Дадим ей цель и смысл! Оправдаем мир, выметем наш дом!

5.5 Возвращая творчество, христианство открывается будущему, поскольку «другого будущего, кроме очерченного искусством, у человека нет» (И. Бродский). Дух творит себе формы, но творит нашими руками. Так станем демиургами будущих тысячелетий! И тогда приход антихриста придется отложить! Но иные, конечно, скорее готовы встретить антихриста и приблизить конец света, чем отказаться от фарисейства и лицемерия. Нам с ними не по пути. Впрочем, увидев благие плоды наших дел, они придут к нам. Их привлечет наше совершенство. Ибо Христос посреди нас!

5.6 Увы, современная культура ни к чему не ведет, она просто бесцельно множится, напоминая раковую опухоль. Но мы можем излечить ее с помощью готики, теургии и безграничных перспектив. Культура должна быть устремлена вверх, она должна тянуть нас за уши и за волосы ввысь, где подлинная свобода. Нужно вывернуть нынешнюю культуру наизнанку, ибо изнанка у нее христианская. Теология должна не бежать вослед, заискивая перед новым веком, она должна созидать будущее. Мы творим новый быт и новое бытие. Нам нужна цветущая метафизика и новая философия, нужна глубина и высота, широта и долгота, ибо плоская онтология стремится к нулю. Мы — трудолюбивые и терпеливые пчелы новой метафизики. Мы — миротворцы и примирители, космотехники и архитекторы! Разве христианству было дело до Вселенной? Не пора ли выходить на новые горизонты? До сих пор христианство лишь мельчало, его разрывали на части, оно сжималось и усыхало. Пора умножать хлеба! Пусть рвутся меха старые, созрело новое вино!

5.7 Сей мир, во всей его брутальности и телесности, тяжести и жестокости, вовсе не райское место. Но и христианство не бесплотный призрак, который бродит по миру и тоскует по старой Европе. Будущее христианства — не музей и не кладбище, *если* оно своими руками будет созидать новое, *если* оно не будет гнушаться материальным, *если* оно отвергнет ужасающую вертикаль власти, совершенно чуждую Евангелию. Ибо «кто не собирает со Мною, тот расточает» (Мф. 12:30). Христиане достаточно расточили, пора собирать! Но хватит собирать камни и строить пустые храмы, пора собирать людей!

5.8 Мир истолковали за нас, вместо нас, против нас! Мы должны вернуть свое, должны предложить новую интерпретацию. Сама жизнь должна стать нашим искусством! Христианство — это не в храм по воскресеньям ходить, ибо так делают законники и фарисеи. Христианство — это мир преображать! «Вы — свет мира. Не может укрыться город, стоящий на верху горы. … Так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного» (Мф. 5:14–16). Так будем светом! Будем самым лучшим, что есть в этом мире! И пусть мир освятится нами!

5.9 И не надо думать, что мы забыли про зло и страдания. Нет, не забыли! Однако Христос не искал страданий, а стремился их избежать: «да минует Меня чаша сия!» (Мф. 26:39). Так и мы не будем искать их, а если они придут, встретим их достойно, «впрочем, не как Я хочу, но как Ты» (Мф. 26:39). Мы не надеваем бремена неудобоносимые, нам достаточно забот нынешнего века! Поэтому мы и не боимся зла, не зацикливаемся на негативности, не ждем плохого. Мир не ледяная пустыня, а наш дом, в котором пора прибраться. Вместо того чтобы отвлекаться на ветхое и бездействовать, будем активно созидать прекрасное и опережающее добро! И пусть искушения нас еще поищут! Будем хитрее хитрых и умнее умных! Так да не введемся в искушение, но избавимся от зла.

5.10 «Мужайтесь: Я победил мир» (Ин. 16:33).

5.11 Возделывая виноградник жизни, мы будем вытеснять из него страх, рабство, растление, похоть. Теоэстетика есть теургия культуры, которая преображает человека и общество — она и должна прийти на смену тенденциям распада и разочарования. Не нужно бояться хаоса, который рождает танцующие звезды, нужно бояться пустоты, которая настигает того, кто зарыл свой талант в землю.

5.12 Пожалуй, здесь будет уместно привести слова о. Александра Меня: «Христос призывает человека к осуществлению божественного идеала. Только близорукие люди могут воображать, что христианство уже было, что оно состоялось — в тринадцатом ли веке, в четвертом ли веке или еще когда-то. Оно сделало лишь первые, я бы сказал, робкие шаги в истории человеческого рода. Многие слова Христа нам до сих пор непостижимы, потому что мы еще неандертальцы духа и нравственности, потому что евангельская стрела нацелена в вечность, потому что история христианства только начинается, и то, что было раньше, то, что мы сейчас исторически называем историей христианства, — это наполовину неумелые и неудачные попытки реализовать его. Вы скажете: ну а как же — у нас были такие великие мастера, как неведомые иконописцы, Андрей Рублев, и т.д.! Да, конечно, были и великие святые. Это были предтечи. Они шли на фоне черного моря грязи, крови и слез. ⟨…⟩ Христианство — не новая этика, а новая *жизнь*. Новая

жизнь, которая приводит человека в непосредственное соприкосновение с Богом, — это новый союз, новый завет».

5.13 Что ж, если монашезированное христианство — это культура ветхой святости, образ Предтечи, то впереди — новая культура Христа!

5.14 «Древнее прошло, теперь все новое!» (2 Кор. 5:17).

5.15 Теоэстетика — отнюдь не наивная утопия, как иногда ее представляют. Она не говорит о том, что в мире все розовое и прекрасное, но она учит видеть сияние святости даже «на фоне черного моря грязи, крови и слез». Она есть луч надежды в безнадежной ситуации. Она даже не против бледного и малахольного христианства, но напоминает о том, что христианство может быть и другим — творческим, задорным, полнокровным, перспективным.

5.16 Теоэстетика есть ответ на вопрос: зачем? Стало быть, у нее не розовые очки, а великая цель, поэтому она есть борьба, дерзание, революция, акселерация. Поэтому не нужно придумывать себе врагов, нам достаточно войны со злобой, гордыней, пошлостью, страхом, похотью и т.д. Оставим аскезу ради аскезы; наша аскеза — любить и тем самым следовать за Христом. Надо «пули переплавить в струны» и запеть другую песню истории.

5.17 А значит, теоэстетика есть начало. Пусть таким и будет ее определение.

5.18 P.S. Однажды я видел великую красоту, которая открылась мне в сиянии святости и чистоты. И не было различия между ними. Это случилось во время литургии в Троицком храме Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, когда я посмотрел на икону Матери Божией. И вот, я свидетельствую об этом. Этот опыт направляет мой путь.

5.19 *Алексей Гагинский*

5.20 *Сергиев Посад, лето 2026*